

Размышления о настоящем положении

Рудольф Роккер

1952

Две мировые войны в промежутке менее 30 лет, с их поражающим воздействием на экономическое, политическое и социальное состояние человечества, выдвинули изрядное количество новых проблем величайшей важности. Конечно, это проблемы существовали и раньше, но на них глядели сквозь розовые очки, если сознательно не игнорировали их совсем. До известной степени это было вполне понятно, потому что наш новый век, — представленный так называемой Индустриальной Революцией, породивший систему капиталистической экономики, — видоизменил предыдущие условия старого общественного порядка до такой степени, какой не ведали до сих пор. Великое пробуждение современной науки и ее практические приложения в области техники, механики и химии повело к полнейшему видоизменению всей нашей экономической жизни и к радикальным переменам форм человеческого труда. Индустриализация стала доминирующим фактором в экономике, а ее огромные преимущества были столь ясны, что все уверились, — особенно в Англии, где индустриальная революция получила начало, — что индустриализация и новый капиталистический порядок будут пребывать навеки.

Сегодня это вполне понятно, но в начале этого нового развития во многих случаях было невозможно определить, к каким последствиям оно приведет. Только позднее, когда результаты нового экономического порядка выяснилось, стало уже возможным определить будущее новой индустриальной системы. Но к этому времени большинство действительных представителей великой промышленной трансформации так были ослеплены успехом, что они уже не заботились о неизбежном исходе развития, которое могло только повести к общественному катаклизму. Они были довольны тем, что массовое производство дало им возможность накопить в очень короткое время огромные богатства, каковые им даже и не снились раньше.

Многие знаменитые ученые Англии были даже убеждены, что некоторые страны, — и, конечно, Англия более, чем другие, — имели особую монополию на новый индустриальный порядок, тогда как другим странам было предопределено самой природой заниматься главным образом агрикультурой, ибо, по мнению этих ученых, это был единственный практический путь к *«справедливому обмену промышленными и с-х продуктами.»* Они не допускали, что индустриализация, — с отменой королевского абсолютизма, благодаря бессмысленным и часто идиотским указам которого

индустриальный прогресс задерживался столетиями, — распространится повсюду, раз не будет помехи от политического вмешательства. Действительно, все попытки правящих классов Великобритании помешать развитию крупной промышленности на континенте были безуспешны: они не могли приостановить естественный процесс, который ввел новую эпоху в Европе. Ход индустриального прогресса на континенте был более быстр, нежели многие ожидали. Даже позднее (в 1870 г.) Англия доставляла свыше 32 % мирового производства, но вскоре, до начала второй мировой войны, на ее долю приходилось лишь 9.2 %.

Если в этих цифрах есть какой-либо смысл, то лишь доказать, что слепая уверенность в продолжительном обогащении страны увеличением развития ее индустрии была только пустым сном, который не мог длиться бесконечно. Это относилось еще в большей степени к европейским странам, нежели к Великобритании, потому что она ко времени ее великого опыта индустриализации уже обладала огромной колониальной империей, простирающейся на пяти материках, что давало ей возможность доставать почти ни за что необходимые материалы для ее промышленности и нужные провианты для прокормления ее населения. Без этой благоприятной случайности опыт индустриализации всей страны за счет ее агрикультуры был бы совершенно невозможен. Кроме того, были еще и другие обстоятельства, которые более благоприятствовали Великобритании к лучшему использованию ее колоний, чем Испании, Португалии, Голландии и Франции, не говоря уже о колониальных опытах Италии и Германии, которые появились на сцене гораздо позднее и должны были забирать то, что осталось, а остатки не были особенно ценны.

Но не только односторонняя индустриализация, но и политика колонизации оказалась в конце концов полнейшей неудачей. Для Испании огромные богатства золотом из ее колоний в Америке стали действительным проклятием для страны: они обезглавили ее почти на половину и причинили упадок ее промышленности, которая была когда-то самой развитой в Европе. И страна, которую называли «садом Европы», превратилась по большей части в пустыню, ибо искусственная система орошения, построенная арабами, была запущена и пришла в упадок. Даже позднее, когда Испания уже потеряла свои колонии в Америке, земля ее все еще была самой богатой в Европе, благодаря громадным залежам железа, меди, ртути, олова и т.п. Клерикальная монархия, вместо оживления агрикультуры в стране и использования ее природных богатств посредством развития собственной индустрии, нашла более легким арендовать свои природные ресурсы иностранным компаниям и, на самом деле, стала колонией иностранного капитала. В Португалии произошло то же самое. Маленькая же Голландия, не имея достаточно места в своей стране, не могла использовать свои богатые колонии так, как Англия, посредством развития крупной промышленности на родине; высшие классы этой страны жили всецело от эксплуатации колоний, совершенно не заботясь о вопросе, что может стать с Голландией, если действительный источник ее благоденствия иссякнет.

Теперь это время настало не только для Голландии, но и для всех европейских стран, которые обладали огромными колониями. Вся политика колонизации была главным образом вдохновляема процессом индустриализации, потому что новая экономическая система зависела от сырых материалов для массового производства индустрии и новых рынков для продажи товаров, произведенных на фабриках

разных «отчизн». Было много указаний, что такое положение вещей не может продолжаться вечно; и то, что на эти указания обращалось мало внимания, стало одной из главных причин огромных катастроф, за которые мы так дорого платим в настоящее время. Особенно опустошительные результаты второй мировой войны, которые повели к великому подъему на Дальнем Востоке и настоящему восстанию мусульманского мира от Ирана до Марокко, служат ясным указанием на то, что темные времена колониальной политики кончились навсегда. Этим, без сомнения, подтверждается и то, что вся система порядка, созданная индустриальной революцией, была построена на неправильном фундаменте и что политика колонизации не могла продолжаться бесконечно, но должна была прекратиться, как только колониальные власти не были более в состоянии защитить их владения, захваченные посредством грубого насилия и грабежа. Вполне верно, что этой политикой они могли повысить уровень жизни на родине, но это являлось возможным лишь за счет поражающей нищеты т. н. колониальных народов, миллионы и миллионы которых всегда жили на границе страшного голода.

Теперь мы подходим к главной проблеме настоящего положения, которая по своей важности превышает все другие и останется главной для многих будущих поколений: это несоразмерность между индустрией и агрикультурой и ложная уверенность, что индустриализация была следствием естественной эволюции человеческого общества и что ей предназначено господствовать над будущим человечеством. Исправление этих неправильных расчётов сделалось самой главной проблемой нашего времени, которая тесно связана с другой проблемой такой же важности, а именно: создать разумную пропорцию между настоящим населением земли и способностями человеческого труда. Индустрия может совершать чудеса, помогая развитию земледелия новыми приложениями труда, лучшими машинами, инструментами, искусственным орошением, химическим удобрением и т. п., но земледелие всегда будет главным фактором в прокормлении человечества.

Было время, когда почти все были убеждены, что плодородность земли неистощима. Это было вполне понятным, ибо, когда индустриальная революция началась, население Европы было сравнительно мало, и существовали огромные территории, куда европейская цивилизация еще не проникла. Но с тех пор вся картина значительно изменилась, и новейшие писания известных экспертов, основанные на исследованиях последних сорока лет, ясно доказывают, что вера в неистощимость земли тоже была сном как и многие другие. Даже прежде чем Мальтус опубликовал свои «Законы о населении», многие мыслители школы физиократов во Франции и Англии, а также некоторые из пионеров нового социализма, как англичанин Роберт Уоллес (1753) и ирландец Вильям Томпсон (1824) были глубоко увлечены проблемой все растущего населения, но большинство из них были убеждены, что пройдет значительное время, пока перед нами встанет опасность действительного перенаселения. Вильям Годвин (1793) даже верил, что пройдут тысячелетия, пока вся земля заселится людьми, и многие экономисты разделяли его мнение. Но прирост населения шел более быстрым ходом, чем многие смели мечтать. Два века выполнили то, что казалось могло бы взять несколько тысяч лет. С 1840 до 1941 г. количество людей на земле увеличилось с 1 миллиарда до 2-х с лишним. Во всех европейских странах, которые были захвачены процессом индустриализации, производительность земледелия

уменьшилась по сравнению с приростом населения, хотя урожаи стали обильнее, благодаря индустриальным методам и лучшим земледельческим орудиям.

Когда индустриальная революция началась в Англии, население её исчислялось, приблизительно, в десятках миллионов, а в настоящее время в стране более сорока миллионов. Чтобы индустриализовать страну, Великобритания должна была пожертвовать большей частью ее земледелия, и перед началом первой мировой войны двое из каждых трех должны были кормиться продовольствием из-за границы. Несмотря на это, Англия все же стояла на четвертом месте стандарта жизни, за что должна благодарить её колонии. Но после второй мировой войны, с потерей изрядного количества её самых ценных колоний и быстрого упадка колониального хозяйства, средний уровень жизни в Великобритании упал очень низко, и страна стоит теперь перед лицом самого критического периода в ее истории.

Германия, после объединения в государство, стала главной индустриальной страной в Европе в течение нескольких десятком лет, но перед тем, как началась ее индустриализация, она вывозила значительное количество ржи, пшеницы и другого зерна; с ростом ее индустрии это стало невозможным, а позднее она вынуждена была ввозить продовольствие для ее населения, несмотря на то, что урожаи стали обильнее с применением лучших методов обработки земли. При всё растущем населении, потребляя огромное количество земледельческих продуктов для своих индустриальных целей, она должна была видоизменить свое прежнее хозяйство.

Во всех индустриальных странах Европы испытывалось подобное явление. Единственным исключением была Франция, потому что соотношение ее индустрии и агрикультуры было поставлено на более прочное основание, а главным образом потому, что в то время Франция являлись единственной страной, которая понимала необходимость контроля ее деторождения и приведения такового в здравую ответственность с состоянием ее индустриальной и земледельческой продуктивности. Если бы она была в состоянии избежать безумного соревнования в вооружении, которое началось вскоре после основании новой Германской Империи и привело к милитаризации Европы, принудив все страны к жертвованию все увеличивающихся сумм из их национального дохода для целей разрушения, — Франция, наверное, стала бы одной из богатейших стран, благодаря ее естественно-социальным условиям. Но сильное развитие милитаризма и постоянная опасность войны, что стало обычным положением в Европе, принудило и французов, как и все другие страны Европы, стать на путь разрухи, вместо выполнения заветов их Великой Французской Революции.

Две мировые войны и разорительные их результаты на всю нашу экономическую и общественную жизнь показали, что настоящее соотношение между индустрией и земледелием и соразмерность все увеличивающегося населения и способностей человеческого труда сделались несовместимыми. Имеются страны, в которых возможности культивирования земли понизились в течение одного столетия до половины их прежнего размера. Не потому, что земля была запущена, а потому, что ею злоупотребляли: та же земля должна была кормить население в 5-6 раз большее, нежели сто лет тому назад. Злоупотребление землей и лишение ее минералов, от которых зависит ее плодородность, привело к тому, что большие площади земли стали бесплодными и превратились в пустыни.

Результаты этого злополучного развития лучше всего видны в Китае и Индии, самых населенных странах мира. В Китае, которому приходится кормить более 500 миллионов, общественные условия жизни так низки, что они не достигают даже одной десятой уровня жизни в США. После Китая выступает Индия, где проблема постоянно увеличивающегося населения делается особенно пугающей. В превосходной книге Кингслей Дэвиса «Население Индии и Пакистана», которая была издана несколько месяцев тому назад Принстонским университетом, было ясно доказано, что при настоящем ходе прироста населения Индийский полуостров с его 420 миллионами людей к 2005 году достигнет 840 миллионов. В течение столетий Индия и Китай стояли лицом к лицу с ужасающими периодами голода в громадной части их территорий, потому что устарелые способы обработки земли не достаточны для снабжения пищей растущее население. Такое положение дел является настоящей причиной огромных подъемов на Дальнем Востоке, которые обязательно повлияют на все мировое положение.

Даже Япония, единственная страна в Азии, которая развила огромную индустрию, ничего не выиграла от этого, ибо мечты ее высших классов снабдить ее 80 миллионов населения высшим уровнем жизни могли быть осуществлены только за счет других наций Азии и островов Великого океана. Результаты второй мировой войны показали неудачу этой иллюзии, как и других подобных же заблуждений индустриальных стран Европы.

Если страны, как США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и Аргентина, могли до сего времени сохранять сравнительно высокий уровень жизни, то это главным образом потому, что они располагают огромными пространствами земли, населенных гораздо меньшим количеством людей, нежели большинство стран Европы и Дальнего Востока. Но даже и в этих странах наблюдается уже увеличивающаяся бесплодность пахотной земли, причиняемой злоупотреблением и безрассудной растратой ее естественных свойств. Несмотря на это, настоящие условия жизни там могут продолжаться до поры до времени, если новые катастрофы не нарушат регулярного развития, опрокинув всякие расчеты. К несчастью, в самый критический период, как нынешний, эта опасность висит над нами, как Дамоклов меч, поэтому военные действия в Корее и громадное недовольство на Ближнем Востоке могут привести к новому пожару, и никакие пророки не могут предсказать исхода такового. Но и тогда проблема не будет разрешена, а сделается еще более трудной, и разрешение, пожалуй, совсем невозможным.

Мы должны понять, что стоим на пороге нового века, который произведет революцию большей важности, чем эра индустриальной революции могла выполнить. Эта революция не будет решена на баррикадах, а лишь новым пониманием настоящего положения и новыми попытками побороть ужасный хаос, к которому привело нас собственное невежество. Проблемы, с которыми нам приходится иметь дело сегодня, являются проблемами не одной какой-либо страны, а — всего человечества. Нам нужны все способности понимания и все добрые стремления, которые мы можем вызвать, чтобы разрешить эти проблемы, если мы не хотим лишиться достижений цивилизованного человечества. Нам нужно главным образом освободиться от тирании догматических понятий и все увеличивающегося потока пустых лозунгов,

вырабатываемых пропагандными машинами демагогов и партийными «церквями,» которые являются огромной преградой к ясному, независимому мышлению.

Мы должны признать, что старый период человеческой истории пришёл к концу и не может быть вызван снова к жизни. Перед нами стоят проблемы, которые не могут быть разрешены никакой политикой власти, ни новой мировой войной, ни необузданным государственным хозяйством, основанном на прибыли, ни тоталитарными диктатурами, ни односторонним национализмом, который может только видеть, что разделяет нас, но никогда не может объединить человечество для общей цели. Нужно заново приступить к созданию здоровых соотношений между индустрией и земледелием и привести проблему все растущего населения к разумной пропорции соответственно способностям человеческого труда. Самые красивые мечты о совершенном обществе не помогут нам, пока эта проблема из всех проблем не будет разрешена, ибо всё, что нам может обещать социализм, — это возможности кооперативного труда и справедливого распределения продуктов человеческой деятельности. Но мы сами должны создать необходимые условия лучших форм общества, основанного на равных правах и равной ответственности каждой общины в общественной организации. Только не надо забывать одну вещь:

Социализм должен быть свободным, или его никогда не будет!

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Рудольф Роккер
Размышления о настоящем положении
1952

Дело труда – Пробуждение. 1952. №38. С. 10-13

Статья немецкого анархо-синдикалиста Рудольфа Роккера из журнала «Дело труда — Пробуждение». Роккер рассуждает о роли и влиянии индустриализации на экономику и жизнь мирового сообщества, а так же о том, как по его мнению выйти из того тупика, в котором мы все пребываем теперь. Рассматриваются вопросы индустриализации и потребности в продуктах сельского хозяйства, а также обусловленность империалистической политики, вызываемая развитием индустрии. Сейчас, спустя более чем полвека, мы видим, что проблемы, описанные в статье еще более усугубились, что и обещал нам автор.

ru.theanarchistlibrary.org